

- Это наше дело...

- Боюсь, Вам не удастся уехать сегодня днем, - Байковский по прежнему оставался воплощением величественности, - Вам придется пройти с ними. Для выяснения вашей личности.

- Почему?

- Вот этот ваш паспорт - фальшивый!

Коридорный тихо охнул.

- Сицилист, - процедил Соболев.

Они не поняли, что Иннокентий Байковский, прекрасный физиономист и психолог, отчаянно блефовал. Он чувствовал по поведению постояльца, что дело нечисто, но доказать подложность документа, конечно, не смог бы.

- Я вас задерживаю. Для выяснения вашей личности, - величественно изрек Байковский.

- Ну что вы, зачем задерживать! – засуетился постоялец, - Почему и сразу задерживать? Я сейчас вам все объясню... Только для этого нам стоит пройти ко мне в номер...

Он отступил в комнату, за ним втолкнулись два городских и величественно вплыл Байковский. Хозяин гостиницы Степанов и коридорный заглядывали в комнаты через дверь.

- Сейчас все разъяснится, господин пристав, - постоялец суетливо вынул из кармана пиджака какой-то документ и подал Байковскому.

«Департамент Полиции, - прочитал Байковский, - Удостоверение № 7862... От 7 декабря 1902 года... Податель сего, Сергеев Николай Павлович, является сотрудником Департамента Полиции... Особого отряда наблюдательных агентов... Директор Алексей Лопухин» - по мере того, как он читал документ величественность его куда-то испарялась. Тем не менее, он не захотел сдаваться сразу:

- Но это удостоверение агента Сергеева, а вы Фролов!

Постоялец тонко улыбнулся, и вытащил из кармана еще один паспортный бланк:

- Я и Сергеев Николай Павлович, вот мой *настоящий* паспорт, - глаза его светились торжеством.

И это торжество взбесило Байковского. Теряя остатки самообладания, он взревел:

- Обыскать!

Городовые притиснули постояльца к стенке, зафиксировали руки и сноровисто обхлопали карманы. На свет были извлечены записная книжка и листок с адресами. Байковский прочитал первые две строчки: «Рейнгардт Александр Николаевич, Введенская улица, собственный дом», «Цодиков Иосиф Абрамович, сельскохозяйственный отдел земской управы» аккуратно сложил лист, и, не взглянув на постояльца, сказал:

- Я задерживаю вас, Фролов вы или Сергеев, для выяснения вашей личности и установления характера ваших занятий, - и, обернувшись к городovým, бросил:

- В часть его!

Всему городу Орлу было известно, что присяжный поверенный Рейнгардт является опасным марксистом, а Иосиф Цодиков, видный эсер, выслан под негласный надзор из самого Петербурга.

***

Поручик Владимир Панфилов, адъютант начальника Орловского губернского жандармского управления казался воплощением энергии. Он не вошел, а влетел в камеру арестованного, резко остановился посередине, смерил Сергеева презрительным взглядом, и бросил через плечо:

- Этот?

- Этот Ваше Благородие...

- Значит, вы утверждаете, что состоите наблюдательным агентом так называемого «летучего отряда» Департамента Полиции, - обратился Панфилов к Сергееву.

- Так точно, господин поручик!

- И прибыли к нам в командировку?

- Так точно, господин поручик!

- И с каким заданием прибыли к нам, - казалось, что Панфилов не выговаривает слова, а выстреливает их в собеседника, громко и отрывисто.

- Не имею право разгласить, Ваше Благородие...

- Ничего! Разберемся и с вами, и с вашим заданием! – и через плечо, - Пусть еще немного посидит у вас. Мы его выведем на чистую воду!

***

На следующий день в двенадцать дня поручик Панфилов, воплощенная предупредительность, поскребся в дверь кабинета своего шефа, генерала-майора Павла Петровича Сильницкого и услышав громкое: «Войдите!» просочился в кабинет. В правой руке, но почему-то на отлете, он держал бланк телеграммы.

- Ваше Превосходительство! Павел Петрович! Тут понимаете ли, вот какое дело... Пришла телеграмма, ответ на наш запрос...

- Хватит мямлить! Давате к существу дела.

- Сергеев тот, за кого себя выдает, - лицо Панфилова выглядело обескураженным, - он действительно наблюдательный агент Особого отряда Департамента Полиции.

- Хм... Значит, все-таки «летучий отряд»... Налетели вороны... Визит Его Императорского Величества готовят, боятся, что мы сами не справимся! Сергеева отпустишь и извинишься перед ним... Да, и пригласите мне Извекова...

- Слушаюсь! – Панфилов поспешно скрылся за дверью.

Чуть позже, выпуская Сергеева, он тоже воплощал собой предупредительность...

***

Оставшись один, генерал-майор Сильницкий встал из-за стола, прошелся по кабинету, посмотрел на портрет Императора, выполненный в полный рост, покачал головой: «Не доверяют... Мне - не доверяют! Морока с этими высочайшими визитами! Но мы еще посмотрим, кто кому утрет нос!»

В дверь постучали. Начальник Орловского ГЖУ поспешно занял свое место и крикнул:

- Войдите!

Вошел плотный усач средних лет в унтер-офицерском мундире:

- Ваше Превосходительство! Унтер-офицер Стефан Извеков по вашему приказанию прибыл.

- Вот и хорошо, что прибыл... Стефан, ты кем был до меня? Простым унтером. Кем ты при мне стал – филёром управления с жалованием наблюдательного агента!

- Так точно, Ваше Превосходительство! И я это, доброту помню...

- А раз помнишь, вот тебе задание. Появились у нас в городе люди. Найди мне их. А как найдёшь...

***

Через день Панфилов вновь стучался в кабинет Сильницкого.

- Ваше Превосходительство! Полицейскими городской Третьей части снова задержан человек, называющейся членом «летучего отряда» Департамента Полиции... Назвался Ивановым... Будем отпускать, Павел Петрович?

- Иванов, значит? – генерал-майор Сильницкий почему-то казался очень довольным, - Почему сразу отпускать? Пускай пока посидит... в полицейской части. А мы тем временем новый запрос отправим. В Департамент Полиции. Составляйте, Владимир Александрович. Я подпишу.

***

Старший отрядный филёр «летучего отряда», Егор Тимачёв был вне себя. Его подчиненные не просто «спалились» самым пошлым образом, но и фактически сорвали важную командировку. Он и его подчиненные вели от Москвы человека, по паспорту Адленберга Фишера, который вполне мог оказаться членом Боевой организации эсеров и готовить покушение на Государя Императора. Здесь, в Орле, во время предполагаемого визита... Но установить, или опровергнуть это необходимо было тихо, не привлекая внимания местного

жандармского управления. И вот, едва установив первые связи Фишера в Орле, подчиненные дали раскрыть себя орловским жандармам. Что теперь прикажите делать?

- Как, как вы могли позволить себя арестовать? – шипел Тимачёв.

Сергеев и Иванов сидели понурившись. Еще два филёра «летучего отряда» - Захаров и Линёв – сидели у окна и с преувеличенным вниманием изучали что-то на улице, пряча ухмылки.

- На меня донес содержатель гостиницы, где я остановился, - оправдывался Сергеев, - Эти обыватели бывают такими подозрительными...

- Мне на «хвост» «упал» человек... Усатый такой. Чернявый. Лицо круглое, чистое... Плотного такого телосложения... По виду – бывший унтер... Чуть ли не на пятки мне наступал. Ну, я подумал – какой-то здешний «михрютка», скину с «хвоста» в два счета. Но скинешь тут, в этом городишке! Заборы, заборы, сплошные заборы... Ни одного проходного двора! А улицы выводят то на Оку, то на канаву с водой, которую и речкой то назвать стыдно. Так вдвоем и вышли на городского – и я в кутузке, - поведал Иванов.

- Усатый, плотный, говоришь... Интересно... Это филёр местного управления, Извеков, - сощурился Тимачёв, - Ты думал, что он «михрютка»? А он с тобой в «брандера» сыграл, а ты купился, и не сообразил, что тебя в засаду гонят! Встать!

И, не закатывая рукавов, Тимачёв резко врезал подчиненному «под-дых». Так в свое время проделывал с самим Тимачёвым знаменитый Медников, когда молодой еще Егорка упускал объект наблюдения. Иванов молча держал удары. Ему тоже хотелось в старшие отрядные филеры.

А пока экзекуция продолжается, поясним читателям, что у русских наблюдательных агентов начала XX века выработалась своя терминология, свой сленг. И в этом сленге «михрюткой» обозначали неопытного, необученного филера, способного обнаружить себя и провалить задание, а «брандером» - агента, который нарочито открыто ходил за объектом наблюдения, повсюду обнаруживая себя и провоцируя, таким образом, объект на необдуманные действия.

- Этот Извеков, - сказал Тимачёв, закончив экзекуцию, - по-видимому, вел тебя от гостиницы Соболева, полгорода продержался у тебя на хвосте и вывел на тебя городских... Самородок... Сорвал нам командировку... - поглядел на подчиненных и закончил мстительно, - Вот пусть и дальше разгребает грязь в здешнем управлении... Могли бы взять его к себе – но не возьмём.

Темачёв снял с вешалки скромное коричневое пальто:

- Ладно, я в местное управление. Алексей Александрович наверное уже прислали телеграмму местному генералу... Без меня из номера носа не высовывать! Закажите себе чаю, что ли...

***

Генерал-майор Сильницкий действительно в этот момент держал в руках телеграмму директора Департамента Полиции Алексея Александровича Лопухина. Директор выговаривал ему за арест своих агентов и даже намекал на неполное служебное соответствие старого генерала.

- Я-то как раз своему месту соответствую, - улыбнулся в усы стареющий генерал-майор, - а вот ты, из молодых - да ранний... Выскочка... Белая кость... А ты поди, чин выслужи без всякой протекции...

Генерал-майор Сильницкий очень не любил либеральничающих молодых людей из «хороших семей».

- Панфилов!

- Я, Ваше Превосходительство!

- Владимир Александрович, составьте черновик письма для господина начальника Департамента. В том духе, что оба его агента были задержаны чинами общей полиции, - Сильницкий тонко улыбнулся, - и наше управление не имеет к этому ровно никакого отношения... А лучше даже так, записывайте...

- Готов, Павел Петрович!

- Пребывание в Орле Сергеева, Иванова и других филеров мне не было известно. Задержаны чинами общей полиции без моего ведома, - к концу небольшой речи Павел Петрович Сильницкий просто лучился удовольствием...

Он утёр нос этим молодым выскочкам из Петербурга...

Визит Николая II в Орел состоялся 6 мая 1904 года. В эти месяцы царь ездил по всей стране, пытаясь вдохнуть энтузиазм в русское общество в связи с началом русско-японской войны и поднять дух солдат, отправляемых в Манчжурию. Царь отстоял обедню в церкви Черниговского полка и лично благословил солдат и офицеров в дальневосточный поход иконой. После этого последовали протокольные мероприятия. А 24 мая 1904 г. генерал-майор П.П. Сильницкий был произведен в генерал-лейтенанты и уволен в отставку по болезни с мундиром и пенсией. Не исключено, что на эту отставку повлиял эксцесс с филёрами «летучего отряда».